

**ЛИЧНОСТЬ
И ВЛАСТЬ**

Терехова Мария Григорьевна — специалист по международным отношениям, консультант Первого вице-президента Газпромбанка. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: 5188800@gmail.com.

ВЛАСТЬ, СВЯТАЯ И СВЯЩЕННАЯ. К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ ОДНОГО АРХЕТИПА

© 2017

М.Г. Терехова

Сегодня очевидно, что успехи и неудачи в модернизации любой страны во многом зависят от того, насколько предпринимаемые шаги согласуются с исторически сложившейся в конкретном обществе системой неформальных институтов¹ и ментальностью². Об этом часто вспоминают, говоря об успехе реформ Л. Эрхарда в ФРГ, Дэн Сяопина в Китае, Л. Бальцеровича в Польше. В России роль неформальных институтов, включая ментальность, наиболее обстоятельно обсуждает А.А. Аузан³.

Таким образом, практическая и познавательная, в том числе и культурологическая, важность изучения сложившихся неформальных институтов, включая традиции и ментальность, очевидна. Нельзя сказать, что об этом сегодня не говорят — говорят, и много. Но даже в работах, относящихся к жанру научных публикаций, рассуждения по большей части не выходят за рамки публицистического дискурса. На наш взгляд, важным шагом на пути к систематическому исследованию этих вопросов стало бы своего рода “картирование” имеющихся точек зрения и работок. Ниже делается попытка представить своего рода сводку замечаний и наблюдений на тему традиций отношения к власти в России, эволюции этого отношения на од-

¹ “Важным признаком неформального института является то, что он поддерживается не государством, а за счет действия индивидов друг на друга, то есть гарантом соблюдения правила является не специализирующийся на этой функции орган, а каждый член общества” [1]

² Сегодня это слово стало достоянием публицистики и чаще употребляется без особых рефлексий и дефиниций. Однако на самом деле “ментальность”, или “менталитет”, который, по определению А.А. Пелипенко, есть не что иное, как “особый тип мифологизации реальности” [17] — важное понятие этнографии, социальной психологии и культурологии. В ходу много весьма детализированных его определений, но мы воспользуемся простейшим (но научным) толкованием, представленным И.Г. Яковенко как раз в одной из дискуссий на тему “ментальность и модернизация”: «Чтобы обойтись без громоздких определений, достаточно сказать: “Ментальность — не то, что мы думаем, а то, как мы думаем и чувствуем”. Она задает способы переживания мира, его осмысления и действия человека в этом мире. Иными словами, ментальность задает стратегию человеческого бытия. Она не сводима к осознанному — нормам, правилам и, вообще, к лежащему на поверхности уровню дискурса культуры. Это метаязык культуры и человеческого сознания» [14].

³ Вот лишь одна характерная цитата: “Модернизация не может ограничиться только сферами экономики и законодательства ... Модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса ... При этом под культурой мы понимаем всю сеть формальных и неформальных институтов, ответственных за производство, разрушение, трансляцию и распространение ценностей. Отказ от модернизационного потенциала культуры, от работы с ценностной шкалой, с этикой, с национальной картиной мира, гарантированно ведет модернизаторов в тупик. Если перед глазами работника стоит образ общины, а вы понуждаете его к фермерству, то не надейтесь на торжество стольпинской реформы. Если честно заработанные деньги не являются мерилом успеха, то производительность труда не вырастет, как ни повышай зарплату.” [2, с.4].

них уровнях и постоянства на других. При этом мы постараемся здесь абстрагироваться от политических и идеологических пристрастий конкретных авторов и охватить, по возможности, весь спектр позиций — от И.Г. Яковенко до С.Г. Кара-Мурзы. Особое внимание мы обратим на XX век. За это столетие политическая система России была разрушена дважды, и оба раза — при поддержке широких масс. Поэтому выбранный период предлагает возможность выделить наиболее устойчивые характеристики бытования власти в России, а значит предлагать прогнозы дальнейшего развития политической жизни.

Одной из важнейших характеристик, отмечаемых многими мыслителями, является особый сакральный статус власти на Руси. В принципе, история человечества предлагает две основных модели социальной регуляции в государствах. “В одной модели фундаментом регуляции выступает право, в другой — иерархия. Во второй модели власть воспринимается как истинная субстанция и воплощенная воля. Сакральная власть также порождает право, но оно направлено сверху вниз и для власти носит чисто инструментальный характер. Сама же власть таким образом стоит над правом [25, с. 121]”.

В Византии, откуда Русь заимствовала христианство, общехристианский догмат о божественном характере всякой власти был доведен до высшей императивности фактическим признанием приоритета императорской власти по отношению к власти патриарха. Признание это воплотилось, в частности, в догмате о том, что империя есть земная копия Царства Небесного и правление императора есть аналог Божественной воли [12]. И не случайно “в Византии закон так и не становится собственно Правом с большой буквы. Он подчинен задачам власти.” [25, с. 121].

Процесс сакрализации власти на Руси начинается уже с XII века. Интересно в этом смысле посмотреть на то, как современники и ближайшие потомки отнеслись к заговору против неоднозначной фигуры — князя Андрея Боголюбского. Можно заметить, что убийц князя, который ради укрепления своей власти на несколько дней отдал сакральный для русского сознания Киев на разграбление своей дружине, в русской традиции принято было описывать не как мстителей или, тем более, борцов с установлением тиранической единоличной власти, а как пьяную чернь, не достойную никакого уважения. Для сравнения, в афинской традиции Гармодий и Аристогитон, совершившие покушение на братьев-тиранов Гиппия и Гипарха, выступают национальными героями, тираноубийцами, освободителями. В их честь создан культ, а потомки были навечно освобождены от налогов.

Иван III уже прямо провозгласил себя правопреемником византийских императоров. В 1584 г. венчание Федора Ивановича на царство по Византийскому образцу закрепило статус правителя как “носителя Божьей воли” при том что сам Федор, как известно, особыми властными амбициями не отличался — очевидно, что дело было уже не в личности правителя.

При Алексее Михайловиче царя начинают именовать “Святым” [11, с. 689]. Петр I с помощью церковной реформы, фактически, делает императора главой Церкви. Но еще до завершения этих реформ, в 1715 году, на уровне закона, воля и приказ императора закрепляются в качестве единственного источника права во всех областях государственной и общественной жизни — именно как воля христианского государя. “Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет...яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять” [21, с. 76].

В первой половине XIX века эти идеи получили отражение и в интеллектуальной рефлексии. Так, И.В. Киреевский, который был не только крупным мыслителем-славянофилом, но и правоведом, так описывает отношение русского человека к Царю и закону: “Истинная любовь к Царю соединяется в одно неразделимое чувство с любовью к Отечеству, к законности и к Святой Православной Церкви” [9]. Ведь царь изоморфен народу как воплощение всех правоверных христиан, а значит народа Империи.

Важно, что эти и многие другие подобные утверждения — не просто измышления ученых мужей и не попытки подольститься к монарху. Это именно рефлексия народных умонастроений. Вспомним народные поговорки: “Царь от бога пристав”, “Правда божья, а воля царская”, “Бог помилует, а царь пожалует”. Эти и множество других примеров, которые приводит С.Г. Кара-Мурза в книге “Советская цивилизация”, показывают, что крестьянин, действительно, видел царя главным своим защитником и не отделял правителя от себя. “По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — всех *равнять*” [8]. Здесь мы видим еще одну функцию сакральной власти — уравнительную.

Кроме того, в народном понимании в лице монарха персонафицировалось и исключительное право Создателя распоряжаться землей. Для крестьянина было естественным видением, что “земля — царская, конечно, не в том смысле, что она составляет личную царскую собственность, а в том, что царь есть распорядитель всей земли, главный земляной хозяин. На то он и царь” [8]. В этом видении отражается еще более древнее восприятие власти. «Как известно, в племенных обществах верховный вождь представляет одновременно и верхушку структурной политико-правовой иерархии, и всю общину; он символизировал и саму племенную территорию, и все ее богатства. В российском политическом сознании царь есть не только вершина иерархической “структуры”, но и выразитель интересов “мира”, общества в значении “коммунитас”, он — символ земли, т.е. государства» [23, с. 128].

В народных представлениях о царе мы находим и патерналистскую установку, предполагающую право и обязанность царя перераспределять ресурсы в интересах нуждающихся. В воспоминаниях С.Ю. Витте упоминается один интересный диалог. Деревенский житель объяснял министру, почему считает возможным укорять Царя за нежелание удовлетворить нужды крестьян за счет земли, находящейся в чужой собственности (у помещиков): “А при Александре II собственность не была священна, захотел и отобрал и нам дал. Значит, не хочет”. Или мешают “плохие бояре”. Так, после неудачного покушения на Александра II 2 апреля 1879 г. в Пензенской губернии пошли слухи, что государь, заподозрив помещиков в измене, повелел: “всю землю от них отобрать и наделить ею крестьян и что раздел земли будет 15 августа сего года”. Причем распространился этот слух настолько широко, что правительство было вынуждено 14 июня опубликовать специальное “Объявление” “для всеместного оповещения... о необоснованности и лживости” распространяемых слухов [20].

Описание крестьянского мироощущения крайне важно для понимания логики событий XX века. Ведь модель модернизации общества, заложенная Петром I, была “анклавной”. Фактически, модернизация ограничилась узким слоем общества, а “подтягивание” остальной страны откладывалось на неопределенное будущее. А ведь в начале XX века крестьянство составляло 83% всего населения страны [7, с. 22]. Да и обладатели “просвещенного” сознания не могли и не стремились освободиться от многих бессознательно усвоенных традиционных установок и стереотипов. Так, неоднократно отмечалось, что и Николай II, и русские консерваторы разделяли веру в богоизбранность правителя и особую связь царя с народом (см., напр., [16]).

Тем не менее в начале XX века “петровский раскол” становится серьезным фактором риска. Носители европейской культуры воспринимаются сельским, да и значительной частью городского населения — тоже вчерашними или позавчерашними крестьянами — враждебно. Порождаемая этим психологическая напряженность остро выразилась и была отрефлектирована в знаменитом сборнике “Вехи” и развернувшейся вокруг него полемике.

Не видели крестьяне смысла и в переходе на новые технологии, которые увеличили бы эффективность возделывания земли: крестьянская культура нацелена на гомогенизацию общества, а новые технологии неминуемо приводят к тому, что чье-то хозяйство становится более успешным, чем другие. По тем же причинам в реформах Витте и Столыпина крестьяне увидели подтверждение того, что “царь не с ними”, что он часть чужого мира и мировосприятия, а значит “ненастоящий”, “подложный”.

Нужно отметить, что сама идея власти никогда в России не проблематизировалась. Недовольство тем или иным решением властей не ставило под вопрос сакральность самого института

власти или политического устройства. Негодной признавалась не сама политическая система, а существующий правитель, и поскольку личность царя сакральна — говорили о “подложном царе”.

Эта идея десакрализации личности правителя никоим образом не равна недоверию к самому институту власти. С идеей о том, что никакая человеческая власть не застрахована от злоупотреблений, а значит, сама должна быть управляема и ограничена, Россия вынужденно столкнулась после европейских революций 30–40-х годов XIX века и отрефлексовала ее. Консервативная мысль увидела причину хаоса, охватившего Запад, как раз в отказе от сакральной вертикали “подлинной” имперской власти (которой, заметим, в этом виде ни в феодальной, ни даже в абсолютистской Европе никогда не было). И спасение от волны революций — в возвращении к ее основам [14, с. 369–372].

Произнесенная Гапоном 9 января 1905 года фраза, с которой началась великая русская смута, звучала так: “У нас нет больше царя!”. Он не сказал “Царь плохой” или “Долой самодержавие”. Объективный смысл его фразы — в том, что человек, занимающий трон, царем не является. Чем же все это закончилось? Именно тем, что взамен “ложного” царя стали сразу же возникать цари истинные: “Милюков, Гучков, Керенский” [там же, с. 368].

Сегодня читателю кажется, что “царь истинный” — это всего лишь метафора. Но для жителя России начала XX века это было не совсем так. Известно, что во время визитов Керенского на фронт в качестве главы Временного Правительства его воспринимали чуть ли не как живого Бога. Солдаты были уверены, что он способен закончить войну одним своим появлением. Но когда этого не произошло, он столь же стремительно превратился в “ложного царя”. Восприятие носителя верховной власти как источника мистической защиты, а его отсутствия — как лишения этой защиты оказалось очень стойким, хотя со временем стало маскироваться разного рода рационализациями. Так, после смерти Сталина ожидали, что вскоре начнется война, поскольку, по мнению многих людей, мир держался только на авторитете вождя [19, с. 14–23].

Традиционные стереотипы, ожидания власти во многом определили и отношение широких слоев населения к советской власти. Идеи, которые провозглашали большевики, были полностью созвучны традиционной политической мифологии. Власть предложила “черный передел” земли и полное уничтожение “чуждых” элементов: предпринимательства, частной собственности, сословий. Она полностью исполняла мифологическую функцию царя “всех равнять”. Идеалы жизни без начальников, эксплуататоров и сословий, в которой все будут равны, выглядели прямым воплощением мифа о “народной воле” и “Опосьском царстве”. Указы и законы, одним росчерком пера отменяющие весь предыдущий уклад; массовые ре-

прессии без суда и следствия; повеления правителей, исполнявшиеся без промедления, — все это атрибуты настоящей сакральной власти, которая стоит над законом и сама есть закон. Кроме того, советская идеология была очень сходна с православием в части “потусторонности”, эсхатологичности своих идеалов. Человеку предложили новую светскую религию с сакральными “вождями” во главе и мессианским призванием пролетариата, который призван освободить от рабства и принести новую, лучшую жизнь. “Советская система оказалась чрезвычайно архаичной по своему психосоциальному положению вопреки прогрессивным формам самопрезентации. Это оставляло парадокс и суть ее исторического существования и таило в себе закономерность краха” [7, с.19]

Это быстро увидели наиболее проницательные наблюдатели (см., напр., [6]), вызвав возмущение и традиционалистов, и либералов, и “народников” — у всех у них были свои политические мифы, уже о народе. Тот же Бердяев, наиболее глубоко и систематично описавший “народные корни” русского коммунизма, получил среди эмигрантов прозвище “большевищан” — “большевиствующий”.

В исследовании восприятия власти в начале XX в. Т.Н. Кожемяко приходит к выводу, что в 20–30-е годы образ власти в глазах населения был традиционно дуальным [10]. С одной стороны, он был персонифицирован в фигурах “вождей”, которые обожествлялись и наделялись возведенными в абсолют мудростью, справедливостью, силой, ответственностью и даже порой всемогуществом и всеведением. С другой же, — человек не мог не видеть и катастрофический уровень жизни, и процветающую некомпетентность и выражал крайне негативное отношение к чиновникам. Причиной бед объявлялись те же “плохие бояре” — ненадлежащая работа партийных работников низшего звена.

После смерти Ленина ГПУ фиксировала следующие слухи: “Ленин был единственной светлой личностью среди правительства. Смерть его ускорили врачи (т.е. люди чужой городской культуры⁴), а заболел он от огорчения, узнав о массовых расстрелах без его ведома”. Во время голода 1932 г., вызванного коллективизацией, “среди крестьян фиксировались слухи, что Ленин воскрес и скоро придет громить большевиков” [1, с. 87–89]. Недовольство существующим правителем вновь дает жизнь мифу об истинном царе, царе-избавителе — теперь уже в образе Владимира Ильича.

После смерти Сталина и смещения Хрущева атрибут сакральности власти как ее внеответственности и иноприродности сместился с личности правителя на верхний слой власти как целое. Раньше чиновник был подсуден главе государства, а тот, в свою очередь, не был подсуден никому. Теперь промахи замалчивались в массовом порядке. Увольнение маскировалось уходом на пенсию или переводом на новую должность. Конечно, этот процесс тоже нес зерна размывания сакрального ста-

⁴ Здесь интересно вспомнить “дело врачей”, которое прекрасно укладывалось в традиционное мировосприятие, обличая носителей городской культуры в желании извести праведный народ.

туса власти, поскольку в традиционной культуре власть должна быть персонифицирована [24].

Однако сакральный статус подателя благ во многом сохранился за носителями власти и после смерти Сталина. Многочисленные истории о “правителе-благодетеле”, “путешествующем по стране и раздающем (или обещающем) различные блага населению”, можно найти в устных рассказах “о проезде Хрущева через Бологое”⁵.

В 50–60 годах XX века Россия начинает движение к постиндустриальной цивилизации. И если процесс индустриализации предполагает омассовление, то постиндустриальная цивилизация — индивидуализацию⁶. В этих условиях Хрущев попытался сделать коммунистическую идеологию более привлекательной отказавшись от идеала беззаветного служения и добавив личный интерес. Но эта модель оказалась нежизнеспособной.

“Коллективизация” сакрального статуса власти, как уже отмечалось, завершилась при Брежневе, чье правление не без оснований называют “золотым веком номенклатуры”. Партийная элита сформировала свой мир, с атмосферой и практикой исключительности, и пренебрежительным отношением к своим обязанностям. Сформировался теневой рынок чиновничьих услуг и должностей [4].

Сакральный статус власти проявился еще и в том, что к публикации были запрещены не только, например, информация о тяготах жизни простого человека, ошибках власти или крупных авариях, но и о стихийных бедствиях. В архаическом мировосприятии власть “божественная” не должна уступать по своей силе стихиям [24].

После свертывания хрущевской оттепели и разочарования в надеждах на скорую лучшую жизнь и коммунизм, который будет построен через 20 лет, стала ощущаться ностальгия по образу Великого Вождя. К тому же партии сложно было предложить новую идеологию, не отказавшись от коммунистической догматики. Обновление, как это часто бывало в истории, приняло форму воскрешения прошлых идеалов. И запущенный тогда маятник качается до сих пор. Несмотря на доступность информации о вопиющих преступлениях режима, немало людей продолжают видеть в Сталине образ, близкий к предложенному в ту эпоху. Можно, конечно, обвинять в этом информационную политику нынешней власти, но не задуматься о том, насколько высок в русской культуре запрос на харизматического всевластного лидера, невозможно.

Процессы восприятия горбачевской “перестройки” и ельцинских реформ высвечивают новые грани вопроса о традиционном отношении к власти, его эволюции и его константах. Международная политика Михаила Горбачева стала (или — в свете последующих разворотов — едва не стала) поворотным моментом в развитии страны. Избавив нацию от “образа врага”, он сделал очевидным необходимость внутренних изменений вместо

⁵ Пересказ их см., в частности [13, с. 133].

⁶ Подробнее об этом применительно к России см. [22].

борьбы с происками недругов. Но в это же время происходит новая мифологизация. На этот раз мифологизируется и воспринимается как рай уже мир “за железным занавесом”. Этот миф и питает тот дух надежд на лучшую жизнь, который можно было уловить в обществе до середины нулевых годов. И, подчиняясь культурным стереотипам, массы пошли вслед за новым мифом о земном рае. Следуя эсхатологическим традициям, прежний мир должен был быть разрушен полностью и как можно скорее.

Именно этот миф и отработывала демократическая оппозиция во главе с Б.Н. Ельциным. Капиталистический рай должен был прийти в течение самого короткого времени после избавления от коммунизма и СССР. По прошествии времени становится очевидно, что демократия рассматривалась большинством россиян как инструмент для поиска “истинного царя”, который, собственно, и создаст теперь уже капиталистический “рай” для своего народа.

Но на волне катастрофического падения уровня жизни недоверие к новому лидеру стало стремительно расти. В это же время «отсутствие жесткого контроля, как это характерно для русской истории дало волю варварским тенденциям: возникают не только рэкет и бандитизм, но целая субкультура, романтизирующая образ разбойника (преступника): “новые русские»» [16, с.49].

Интересно, что с рождением РФ “многопартийность возникает в результате недоверия сначала к коммунистическому, а затем к Ельцинскому режиму” и становится следствием института самозванчества: партия имеет успех, только если ее лидер подходит на роль нового царя. Ничто другое не гарантирует успех партии⁷.

С приходом популярного харизматического лидера В.В. Путина и многопартийность, и парламентаризм стремительно уходят в небытие. Оппозиция начинает восприниматься, как помеха для воплощения начинаний истинного царя. И если в 90-е и нулевые годы такого рода процессы еще можно было объяснять политической безграмотностью, отсутствием политической культуры на протяжении всей российской истории, то к середине 10-х годов становится очевидно: желание видеть во главе государства харизматического лидера и вера в то, что только он может устроить жизнь к лучшему, — глубинная черта мировосприятия русского человека. На протяжении всего XX века фигура государственного лидера является системообразующей для культуры.

Таким образом, не претендуя на исчерпывающее описание, можно выделить несколько устойчивых характеристик, присущих именно российскому восприятию власти, отмеченных в работах большинства исследователей.

Традиционным обществам свойственно видеть в верховном лидере выразителя интересов “мира”, олицетворение земли и государства. В российской культуре этот образ был закреплен и усилен приходом христианства византийского образца. Миф о сак-

⁷ Подробнее об этом см. [14].

ральном правителе проникает в самые различные поведенческие и мыслительные модели, носителя российской ментальности.

В русском политическом мифе помимо ожиданий заступничества за простого человека и абсолютной мудрости, с ним связаны надежды на улучшение жизни (неважно в духовном, моральном или материальном аспекте). Объяснением для ошибок власти, некомпетентности, жестокости, просто низкого уровня и качества жизни служат ошибки чиновников как представителей уже земного мира.

Народные ожидания сакрализуют правителя в течение всего XX века. Особой популярностью пользовались именно те лидеры, чьи образы отвечали народным представлениям о сакральности: твердость, немногословность, жесткость (и жестокость), читающаяся близость к народу и одновременная недоступность. Власть как институт стоит над законом и сама же им является, обладает собственностью на землю и ресурсы государства. В ожиданиях должна полностью нести ответственность за человека, не будучи при этом подотчетной.

Лидер наделяется патерналистическими чертами. Он видится верховной инстанцией для решения всей массы задач, стоящих перед человеком, — от моральных установок общества до проблем предприятий и бытовых проблем отдельных людей. От институтов государственной власти не ожидают и не требуют исполнения четких функций в определенных областях: власть вершится в необъяснимом, потустороннем мире.

Сакральное переживание власти вторит ощущению нации как носителя “истинных ценностей”, которые в силу своей “истинности” должны быть распространены и на другие территории.

Описанная модель сохраняется при различном идеологическом наполнении, будь то православная империя, коммунизм или либерально-демократическая парадигма. Трансформации системы привносят новые элементы в политическую жизнь страны. Но в момент стабилизации чуждые институты и традиции исчезают или превращаются в муляжи (внимание к представительным органам государственной власти, многопартийность, выборы).

Литература

1. *Архипова А.* Последний “царь-избавитель. Советская мифология и фольклор 20–30 годов XX века” // Русский политический фольклор. Исследования и публикации / Под. ред. А.М. Панченко. М.: Новое Издательство, 2013. С. 75–93.

2. *Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А.* Культурные факторы модернизации // Пер. межд. форум “Культура, как ресурс модернизации”. М., СПб. : Фонд “Стратегия 2020”, 2011. С. 4–5.

3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998.

4. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? // Библиотека Гумер — гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ahiez/15.php

5. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

6. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России. Google Play Книги URL: https://play.google.com/store/books/details/Николай_Бердяев_Новое_средневековье_Размышление_о?id=h0q52dOfRgEC
7. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М.: РОССПЭН, Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2010.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Том 1. Книги Сергея Кара-Мурзы. URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a16.htm#hdr_23
9. *Киреевский И.В.* Записка об отношении русского народа к царской власти 1855 г. // Литература и жизнь URL: http://dugward.ru/library/kireevskiy/kireevskiy_zapiska.html
10. *Кожемяко Т. Н.* Образ власти в картине мира жителей советской провинции и Германии в конце 20-х — 30-е годы XX века: сравнительно-исторический аспект (на материалах Ставрополя и Саксонии). Дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 2011.
11. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки русской культуры, 2002.
12. *Лурье С.В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 123–129.
13. *Лурье М., Ахметова М.* Rex ex machina в локальном нарративе. Рассказы о проезде Хрущева через Бологое/ Под. ред. Панченко А.М., Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М.: Новое Издательство, 2013. С. 127–146.
14. *Межуев Б.В.* Традиционная государственность в России // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. / Под ред. Яковенко И.Г. М.: Наука, 2007. С. 367–391.
15. Ментальность и модернизация // Фонд Либеральная Миссия/Дискуссия — 10.10.2011. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5409>
16. Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 2. Л.: Государственное издательство, 1925 // Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/docs/0/pdf/padenie2.pdf>
17. *Пелипенко А.А.* Печальная диалектика российской цивилизации. // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. / Под ред. Яковенко И.Г. М.: Наука, 2007.
18. *Пелипенко А.А.* Русская система на весах истории // Официальный сайт А.А. Пелипенко. URL: <http://apelipenko.ru/Наука/Статьи/СтатьиоРоссии/Русскаясистеманавесахистории.aspx>
19. *Петренко С.М.* Политическое сознание в России в 1950-е гг.: начало идейно-психологического кризиса (на материалах Западной Сибири) // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324. № 6. С. 14–23.
20. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. Ч. 2. URL: www.fedy-diary.ru/?page_id=6733
21. *Фадеев В.И.* Народное представительство. Ч. 1. Историко-теоретические корни. М: Проспект, 2016.
22. *Хренов Н.А.* Цивилизационная идентичность России в контексте идеологии модерна // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое / под ред. И.Г. Яковенко М.: Наука, 2007. С. 391–421.
23. *Шербинина Н.Г.* Архаика в российской политической культуре // Полис. 1997. № 5 С. 127–139.
24. *Яковенко И.Г.* Советская модель сакральной власти. URL: <http://root.elima.ru/texts/?id=459>
25. *Яковенко И.Г.* Познание России. М.: Наука, 2008.